

*Позади меня,
за сверкающей синевой вод,
был другой берег
и хозяева этого края,
люди с будущим,
заменившим им лица.*
Тумас Транстрёмер

1

Они и понятия обо мне не имеют, эти две блондинки за моим столиком в баре «Карусель». Они не слушают, что я им говорю, пьют стопка за стопкой водку и треплются о всякой всячине, шлют эсмэски и по очереди выходят на улицу выкурить тонкую сигарету и поболтать по мобильному, не переставая при этом общаться жестами через стекло. Я рассказываю о тех временах, когда объездил весь мир со своим документальным фильмом о свободе слова по ту сторону «железного

занавеса», в первую очередь в Польше. Нет, они никогда не слышали о таком фильме и едва не падают со стула, когда до них доходит, что речь о середине восьмидесятых. Их и на свете еще не было, восклицают они почти одновременно, и на небесную лазурь их взглядов набегает облачко сомнения — ведь из моего рассказа следует, что мне уже, по всей видимости, немало лет, может быть, за сорок, а я — подумать только! — сижу тут с ними, флиртую, водку заказываю — какая гадость!

Впрочем, одна из них проявляет сочувствие и с плохо скрываемой снисходительностью интересуется, снял ли я еще какие-нибудь фильмы.

— Порядочное количество, — лгу я.

Не потому, что испытываю неловкость, работая на заштатном телеканале, который за деньги спонсоров наводняет дневной эфир нескончаемыми программами о путешествиях, а вечерний — никому не интересными ток-шоу и показывает порно после полуночи. Мой канал держится на плаву, продавая эфирное время фирмам, занимающимся грузоперевозками, сетевым магазинам, торгующим кожей, сомнительным ресторанам и мотосалону, который крышуют рокеры. Я режиссирую и снимаю рекламные ролики, сшибая на них по несколько тысяч. Вот чем я занимаюсь,

девочки, это мой хлеб. Я мог бы рассказать им все, но к чему впустую сотрясать воздух, ведь им, конечно, наплевать. Хотя, по правде говоря, мне стыдно, что так и не удалось найти деньги ни на один из фильмов, с проектами которых я носился последние тридцать лет. Девочки, не давайте времени завладеть вами, вот что я хочу вам сказать, да-да, мы в курсе, всё в тему, пробурчат они с отсутствующим видом, продолжая строчить эсэмэски. Но когда-нибудь и им предстоит узнать, сколь быстротечно время. Я, запыхавшись, силюсь настичь его, тогда как молодые, пугающе энергичные документалисты растут как грибы, роясь в грязном белье знаменитостей и снимая злободневные материалы о политике, войне и общественных деятелях. Я же продолжаю носиться со своими старыми идеями.

Звонит мой мобильный. Девушки таращатся на него. Ему уже больше трех лет, для них это прошлый век.

— Да, я вас слушаю, — говорю я.

— Петер Беллман?

Голос женский.

— Да.

— Это Пернилла. Я звоню сказать, что Янус умер. Мне нужно передать вам кое-что от него.

Единственного известного мне Януса зовут Янус Эвальд, и ему недавно исполнилось пятьдесят. Я прочел заметку о юбилее в газете и вспомнил, как однажды летом, когда я сидел совсем на мели, он нашел мне временную подработку.

— Но... вы же не имеете в виду Януса Эвальда? — бормочу я.

— Да, я говорю о нем. Это мой отец.

— Но ведь он жив.

— Он скончался вчера в Королевской больнице от рака печени.

Мне мешает шум в баре, но больше всего смешки девиц за моим столом.

— Где вы находитесь? — спрашивает она.

Я объясняю.

— Тут десять минут на велосипеде, я приеду!

— Хорошо, Пернилла Эвальд, — соглашаюсь я.

Сначала я высматриваю ее в окно, потом встаю и выхожу на улицу. Вскоре она останавливается рядом, спрыгивает с велосипеда и протягивает мне блокнот формата А6. На вид ей около двадцати, светловолосая, высокая и стройная.

— Для него было важно, чтобы я отдала это вам.

Слова превращаются в иней, тающий в мерцающем свете уличного фонаря. Я провожу пальцами по плотно исписанным страницам:

— Что в нем?

— Не знаю и не хотела бы знать. Он запретил мне читать. — Она отводит взгляд. — Отец был уверен, что кто-то приложил руку к его болезни.

— Не может быть! Разве это возможно?

— Так он сказал — «приложил руку». Мне пора ехать, нужно заниматься похоронами.

Ее голос дрожит.

— Могу я чем-нибудь вам помочь?

Я кладу руку ей на плечо, и тут она говорит:

— Временами на него накатывала паника. Хотя большую часть времени он спал, а под конец погрузился глубоко в себя, туда, где только жизнь и смерть.

Прижимаю ее к себе и обнимаю за плечи.

— Да, забыла сказать. — Она высвобождается из моих рук. — Он предупредил, что оставил что-то для вас в своем кабинете. Завтра я занята, но, может, вы могли бы заглянуть послезавтра ближе к вечеру?

Она садится на велосипед и трогается с места.

— Адрес прежний — Фредериксберг-аллее? — кричу я вслед.

Она уже отъехала на несколько метров, и ее негромкое «да» скользит во мраке и залетает в мое правое ухо. Оно все еще там, когда я снова сажусь

за столик, подношу бокал с пивом к губам и осушаю его.

Девушки с любопытством рассматривают меня, словно ждут отчета о моей беседе с молодой особой, и я вдруг понимаю, что они мне больше не интересны.

— Меня удивляет, что в гимназии нам совсем не преподают документальное кино, — говорит наконец одна из них, отхлебывает водки и забрасывает в рот горсть орешков.

— Кажется, в следующем году будем проходить тему СМИ, — замечает ее подруга. — У тебя есть фамилия, Петер? — спрашивает она тут же, параллельно отвечая на эсэмэску, которая приходит под мелодию *We Are the World*.

— Беллман, — отвечаю я и встаю.

— «Беллман» моя бабушка курит, — прыскает она.

Да, не умею я определять возраст. Я-то считал, им за двадцать, но, в конце концов, какая разница. Мне нужно в город, хотя нет, мне нужно домой, решаю я по пути к велосипеду. Машу девушкам в окно бара. Они меня не видят.

Наверное, я просто решил, что они одного возраста с моими сыновьями — Тао и Нором. И уже готов был рассказать о них этим девушкам.

Сказал бы, что у моих мальчиков свой путь в жизни, мы не докучаем друг другу визитами. Ведь главное — оказаться рядом, когда это действительно необходимо.

Раньше я верил, что окажусь нужен сыновьям, что они позвонят или напишут, но от них ничего не было слышно, и я сделал вывод, что мальчики прекрасно справляются без меня, и продолжал жить своей жизнью, а дни и годы шли своим чередом. Течение жизни лишено логики: ты не общаешься с самыми важными для тебя людьми, а вместо этого заводишь знакомства с другими, отводя им роль, не соответствующую их истинной значимости. Адрес Тао у меня всегда с собой. Листок уже порядком истрепался. Тао с семьей живет в Париже. Стал врачом. Я горжусь им. Нор стал актером. Живет в Нью-Йорке. Им я тоже горжусь. И слежу за его жизнью в интернете. Иногда я начинаю забывать, как они выглядели в детстве, потому что у меня нет их фотографий, ни одной: все карточки забрали с собой их матери. Иногда меня посещает страшная до содрогания мысль: что, если я просто вообразил себя отцом двух красивых, умных мужчин?

Но потом мне вспоминается, как много лет назад я проводил с сыновьями летние каникулы. Две

недели мы были вместе на Борнхольме, Тао тогда, должно быть, исполнилось восемь, а Нору — пять. Мы жили рядом с Дуоддестранд, и я покупал им все эти булочки с шоколадной пастой, мороженое, хот-доги, бифбургеры, картошку фри и чипсы; они ели все то, что дома им не разрешали есть матери, помешанные на экологически чистых продуктах и обожавшие овощи и тофу. Это было непедагогично с моей стороны, но наша поездка наверняка осталась у мальчиков в памяти навсегда.

2

Блокнот Януса перехвачен широкой резинкой. «Петеру Беллману, лично» — написано сверху первой страницы. Я ложусь на кровать и начинаю читать.

Дорогой Петер!

То, о чем тебе предстоит прочитать, может показаться очередной теорией заговора в духе голливудских триллеров, но это чистая правда. С середины 80-х до начала 90-х годов существовала организация под названием «Мишн зироу», задававшая целью спасти Европу от медленной гибели,

к которой ее толкали поток мигрантов и перенаселение.

Идеологи «Мишин зироу» были знакомы с исследовательской программой, которой покровительствовал в Южной Африке режим апартеида. Тамосиные ученые работали над созданием вакцины, понижавшей способность цветного населения к деторождению, и опыты на животных уже дали положительные результаты: удалось остановить развитие внутренних половых органов у свиней, что делало невозможным дальнейшее размножение. Однако обнаружились побочные реакции в виде смертельных нарывов и инфекций.

«Мишин зироу» ставила задачу кардинальным образом уменьшить рождаемость в бедных странах, чтобы тем самым ослабить давление на европейские границы и избавить Европу от угрозы, нависшей над «our way of life» — «нашим образом жизни», как говорят в США. План был настолько же прост, насколько жесток: под видом только что разработанной вакцины против малярии ввести как можно большему числу девочек биологически активное вещество, полностью разрушающее функции матки и яичников. Вырастая, эти девочки утрачивали способность к репродукции.

Звучит чудовищно, но не забывай, Петер, что это были другие времена с другими этическими нормами. В целом ряде стран принудительно стерилизовали преступников и граждан с отклонениями в развитии, и никто не сомневался в целесообразности подобных мер. Поэтому нет, наверное, ничего удивительного в том, что идея массовой стерилизации вновь была поднята на щит. Именно ее и собиралась воплотить в жизнь организация «Мишин зироу».

Я успеваю заметить, как блокнот выскальзывает из моей руки, свет меркнет и появляется огромный орел, он парит над долиной, описывая круги вместе с ветром, почти прозрачный, если смотреть сквозь него на солнце. Он подлетает все ближе и наконец садится напротив меня на выступ скалы. У орла ее глаза, он смотрит на меня через окно кафе, и я понимаю, что между мной и событиями реальной действительности, в которые я вовлечен, существует взаимосвязь и что любой мой шаг предопределен внутренними мотивами, порожденными опытом и наследственностью, — они неотделимы друг от друга, в их власти встречи с людьми, задающие моей жизни новые русла.

Так и в тот январский день что-то заставило меня остановиться именно перед этим кафе,

и через мгновение я смотрел в глаза незнакомой мне женщины. Сел напротив нее и заказал сэндвич и горячий шоколад. Я не верю в случайные совпадения. Не было никакой случайности в том, что мы вышли из кафе вместе и следующие несколько часов гуляли по копенгагенским улочкам, как и в том, что я тащил ее за собой по зеркально-замерзшей поверхности озера Пейблинге; неслучайно она спросила, не провожу ли я ее до дома, потому что боялась идти одна от станции в темноте; неслучайно она пригласила меня в свою квартиру под самой крышей, где мы двое суток занимались любовью; неслучайно переехала ко мне в Кристиансхавн и у нас появился Тао, как, впрочем, неслучайно и то, что она ушла от меня. Все неслучайно.

Я варю кофе и пью его на кухне, не садясь за стол, а в моем сознании всплывают полузабытые воспоминания о работе в редакции, возглавляемой Янусом Эвальдом. По образованию я оператор-постановщик, но у меня хорошо получались и стоп-кадры, поэтому Янус взял меня фотографом — как он сам любил повторять, первым датским папарацци на окладе. Я фотографировал знаменитостей в компрометирующих ситуациях, преимущественно не слишком одетых, а то и вовсе

обнаженных — на пляже, в парках и приватной обстановке. Помимо этого, я поставлял в журнал массу фотографий голых девиц.

Недостатка в девушках не было. Они приезжали из разных местечек и городов, и их не надо было упрашивать встретиться и сбросить с себя одежду, потому что они хотели попасть на обложку, чего бы это ни стоило. Кроме того, не иссякал вечный поток любительских снимков с запечатленными на них мыслимыми и немыслимыми пороками и извращениями.

Непрекращающиеся звонки с приглашениями из ютландских секс-клубов, экстравагантные ночные вечеринки, где выбирали самую горячую «девушку месяца» или «парня года» для журнала «Плейбой». Под девизом редакции «Это чистая правда, я сам это выдумал», как блины, пеклись вымышленные истории о войнах и звездах шоу-бизнеса, байки о всякого рода несчастных случаях и порносюжеты. Все это сочинялось в состоянии более или менее серьезного подпития и скармливалось читателям без особых приправ.

Обычно день в редакции начинался с торопливых шажков секретарши — на высоких каблуках, покачивая внушительным бюстом, она разносила

по столам бутылки с выпивкой. Тогда уже можно было начинать работу. Пока Янус не угодил в программу по освобождению от алкогольной зависимости «Миннесота», он выпивал полторы бутылки водки в день, не считая пива и шнапса за обедом. Я ни разу с ним не встречался с тех пор, потому что он разозлился, или, точнее говоря, пришел в бешенство, когда я ушел из журнала, заблаговременно об этом не предупредив.

Действия кофеина хватает ненадолго, и я возвращаюсь с блокнотом в постель. Однако слова путаются и сливаются... и вскоре я сижу напротив своей мамы. Вообще-то, она уже умерла. Мы говорим о жизни. Как делали это порой в последние месяцы перед ее смертью. Она не хочет, чтобы в ней видели жертву. Она сама выбрала себе мужа, родила ему детей и прошла с ним огонь, воду и медные трубы. Когда обнаружилось, что она больна, это расстроило и рассердило ее, но не лишило жизненной энергии, сильный приток которой все еще наполнял ее старое тело, и, несмотря на приключившуюся болезнь, мама не желала упускать ни секунды из оставшегося ей времени. Так чудесно открывать глаза по утрам и видеть в щелках жалюзи солнце,

говорила она. Не было вдоха, выдоха, мгновения, которые были бы не в счет. Она пекла пшеничные булочки и ела их на завтрак с охлажденным маслом и домашним клубничным вареньем. Окружила заботой мужа, моего отца, и цветы на подоконниках. Когда погода позволяла, она садилась на крытой террасе и от корки до корки прочитывала газету. За обедом съедала два ломтика ржаного хлеба, а отцу давала четыре, и они пили воду, которую предварительно ставили охладиться. Мама рассказывала мне, что каждый день после обеда, ложась в кровать, она чувствует, как сон заполняет ее подобно мягкому теплему туману, уносящему прочь все неприятные мысли, и ощущение восторга разливается в теле, достигая самых потаенных его уголков. Она позволяла увлечь себя в этот упоительный мир, а потом просыпалась с чувством некоторой тяжести, ей необходимо было выпить кофе и съесть немного собственной выпечки, скажем, кусочек хорошего, свежего пирога с кабачками. Она уже предвкушала английский детективный сериал, идущий каждый день по телевизору. Затем наступало время готовить ужин — в будние дни это, как правило, был овощной суп, по воскресеньям в их меню нередко появлялась жареная курица с картошкой

и зеленым салатом, политым лимонным соусом. Надо было сперва переварить телевизионные новости, потом она зарывалась в теплую постель с еженедельным журналом. Кроссворд, который надо было решить, статья о жизни королевской семьи. Она неизменно засыпала с включенным светом, просыпалась среди ночи и выключала его. Отец спал у себя в комнате.

Однажды мама сказала: «Нужна большая сила воли, чтобы быть хозяином своей жизни. Мысль о том, что счастье не вечно, не раз отбросит тебя назад, и от бессмысленности существования никуда не деться. Настанет день, когда ты оставишь тех, кого любишь больше всего на свете и рядом с кем чувствуешь себя по-настоящему счастливым. И навалится всепоглощающая тоска, над которой властна только уверенность, что вы и по ту сторону земной жизни всегда будете вместе».

Вспоминаю мгновения перед маминой смертью. Я проследил за ее взглядом, устремленным в окно, и в этот миг вдруг превратился в облако, и мы полетели бок о бок над Эресунном. Ее глаза снова обрели пронзительный блеск, давно, казалось бы, потухший, и солнце отражалось в ее улыбке, сверкнули прекрасные белоснежные зубы. Наша общность не нуждалась